
ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Предлагается динамическая модель исторической культуры; ее системообразующими составляющими выступают (1) смена типов рациональности / моделей науки: классическая – неклассическая – постнеклассическая; (2) смена «словарей»: словарь описания и объяснения – словарь интерпретации – словарь репрезентации. (3) модификация нарратива: становление метанарратива – его кризис – ренарративизация, (4) модификации исторической памяти: естественная коммеморация – «места памяти» – искусственная коммеморация. В фокусе исследования – взаимодействие научного исторического знания, исторического нарратива как основной формы презентации исторического знания и исторической памяти от постмодерна к постпостмодерну.

Ключевые слова: тип рациональности, словарь исторической науки, метанарратив, ренарративизация, историческая память, коммеморация

В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места.

*Арнольд Джозеф Тойнби*¹

Анализ актуальной ситуации в науке, в т.ч. и в исторической, – всегда сложная и нетривиальная задача, рассмотрение которой настоятельно необходимо ввиду существенного воздействия выбранного варианта ее решения на современное историческое познание. Характеризуя ситуацию в историческом познании (в 2006 г.²) Л.П. Репина пишет: «Современная историографическая ситуация создала условия для появления нового исследовательского поля, связанного с *историей исторической культуры* [выделено мной – М.Р.]»³. Словарь «Теория и методология исторической науки» предлагает такое определение понятия *историческая культура* – «понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. Историческая куль-

¹ Тойнби 1991. С. 14.

² Динамика актуального исторического знания/исторической науки такова, что принципиально важно каждый раз точно устанавливать время формулирования того или иного положения. Но за истекшее десятилетие радикальных изменений/ поворотов в историческом знании не произошло, если не считать активизировавшихся попыток создания глобальной истории, так что мы можем позиционировать работы середины 2000-х как современные и, тем более, сохраняющие свою актуальность.

³ Репина 2006. С. 9.

тура – та часть культуры, которая связана со временем как существенным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ»⁴.

Но рискну предложить собственное/рабочее/упрощенное определение этого понятия: историческая культура – система формирования исторических представлений, получения и презентации исторического знания, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников. Это определение синтезирует утверждение Л.П. Репиной: «Комплексное исследование целостного феномена исторической культуры (и исторической традиции) может опереться на новый подход, в основу которого положен синтез социокультурной и интеллектуальной истории, что предполагает анализ явления интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включающем и теоретическое, и идеологическое, и обыденное сознание»⁵, – и исследовательские подходы источниковедения историографии⁶.

Цель настоящей статьи – предложить *динамическую модель исторической культуры* в корреляции с модификацией *исторического знания*, выделив ее системообразующие составляющие и акцентировав внимание на двух, наиболее существенных – *историческом нарративе* и *исторической памяти*, – и интегрировав несколько схем интерпретации, представляющихся мне наиболее эффективными. На основе этой модели можно будет наметить основные характеристики взаимодействия исторического знания и исторической памяти в актуальной социокультурной ситуации, которую в самом общем виде можно охарактеризовать как становление постпостмодерна, когда уже определились основные черты не только новой социальной реальности, но и соответствующего ей исторического знания, существенной, если не основополагающей, характеристикой которого стала проблематизация исторической памяти. Именно концепция «мест памяти» П. Нора⁷, точнее ее трансформация на исходе 1980-х, зафиксировала перелом от деконструкции «мест памяти», присущей постмодерну, к искусственной коммеморации, свойственной уже постпостмодерну.

К задачам на пути достижения этой цели можно отнести (1) *выстраивание иерархии интерпретационных схем*; (2) *выявление их взаимных связей* в различных, сменяющих друг друга во времени, моделях

⁴ Теория и методология... 2016. С. 165.

⁵ Репина 2006. С. 9.

⁶ Теория и методология... 2016. С. 209.

⁷ См.: Франция – память 1999.

исторического знания и, наконец, (3) попытку *применить сконструированную модель к актуальной ситуации* в сфере взаимодействия исторического знания и исторической памяти. Исходная аксиома при рассмотрении проблемы взаимодействия исторического знания и исторической памяти – понимание того, что при многообразии социальных функций исторического знания и их трансформациях на протяжении, как минимум, последних трех столетий, инвариантной функцией исторического знания является формирование идентичности в социумах с историческим типом социальной памяти.

Иерархия интерпретационных схем

При решении первой задачи пойдем от общего к частному и предложим следующие схемы интерпретации:

- смена типов рациональности/моделей науки;
- модификация «словаря» исторической науки;
- трансформации нарратива.

*Типы рациональности/модели науки*⁸ задают нам максимально широкий контекст рассмотрения проблемы, объединяя, с одной стороны, понимание базисных характеристик мировоззрения эпохи, существенной частью которого является историческая культура, в контекст которой, в свою очередь, помещается историческая память, и, с другой стороны, системообразующие характеристики исторической науки, воспринимаемой как историко-культурный социальный феномен в системе соответствующей исторической культуры, в рамках которой и происходит ее «встреча»/«разлука» с исторической памятью.

На протяжении нового и после-нового (постмодерн) времени последовательно сменяют друг друга три типа рациональности и соответствующие им модели науки: классическая (от Френсиса Бэкона и Рене Декарта до Г.В.Ф. Гегеля – в философии, эксплицирующей тип мировоззрения⁹) – неклассическая (с одной стороны, определяемая открытиями в физике микромира и получившая философское обоснование в эмпириокритицизме; с другой, – философски эксплицированная в разных вариантах философии жизни и экзистенциализма) – постнеклассическая (маркерами которой стали работы постпозитивиста Томаса Куна «Структура научных революций» (1962)¹⁰ и П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1967)¹¹).

Некоторые разногласия вызывает неоклассическая модель науки. Во-первых, на мой взгляд, весьма проблематично соотнести ее с каким-либо особым типом рациональности. Во-вторых, дискуссионным явля-

⁸ См., напр.: Стёпин 2003.

⁹ См.: Дильтей 1995.

¹⁰ Кун 1977.

¹¹ Бергер, Лукман 1995.

ется вопрос о времени ее формирования. Причем, этот вопрос не носит чисто хронологический характер, фактически это вопрос о соотношении неоклассической модели с вышеупомянутыми типами рациональности/моделями науки. Если неоклассическая модель фактически сменяет постнеклассическую, являясь вариантом выхода из ее кризиса¹², то следует задуматься над экспликацией нового типа рациональности. Но, на мой взгляд, неоклассическая модель возникает параллельно с неклассической и скорее выступает как маргинальная/сопутствующая в контексте неклассического и постнеклассического типов рациональности¹³. В контексте рассматриваемой здесь проблемы неоклассическая модель исторической науки нужна только для характеристики современной исторической культуры и имеет весьма косвенное отношение к формированию исторической памяти.

«Словари» исторической науки – в основе этой схемы интерпретации предложенная Ф. Анкерсмитом концепция смены словарей исторической науки: словарь описания и объяснения – словарь интерпретации – словарь репрезентации¹⁴. Словари исторической науки явно коррелируют с моделями науки, конкретизируя их применительно к историческому познанию: словарь описания и объяснения – классический тип рациональности, словарь интерпретации – неклассический тип, словарь репрезентации – постнеклассический тип.

Трансформации нарратива – схема интерпретации взаимоотношений исторического знания и исторической памяти. Здесь необходимо дать небольшое пояснение, суть которого в том, что все термины, связанные с нарративом, употребляются в их самом простом значении. Под *историческим нарративом* понимается хронологически организованный рассказ, сочетающий функции описания и объяснения¹⁵. Последнее принципиально важно и отличает нарратив от хроники. Соответственно, *исторический метанарратив* – универсальная система описания и объяснения в глобальном масштабе, преимущественно национально-государственного уровня. *Исторический мастернарратив* – нарратив национально-государственного масштаба, подчиняющий себе локальное историописание. Не вдаваясь в дискуссию о терминах (о которых, как известно, не спорят, а договариваются), отмечу лишь, что в ситуации доминирования классического типа рациональности и превалирования нарратива в исторической культуре (XIX век) понятия метанарратив и мастернарратив могут выступать как практически синонимичные.

¹² См.: Лубский 2005.

¹³ В качестве реперной точки экспликации неоклассической модели я бы определила программную статью Э. Гуссерля «Философия как строгая наука». – Гуссерль 1911.

¹⁴ Анкерсмит 2003(а). С. 213-258.

¹⁵ Мегилл 2007. С. 222.

Я исхожу из очевидного предположения, что именно нарратив, с одной стороны, «обслуживает» историческую память, а с другой стороны, – подпитывается ею. Если вернуться к концепции деконструкции «мест памяти»/искусственной коммеморации П. Нора, то можно сформулировать объясняющую гипотезу: деконструкция «мест памяти» предполагает, в первую очередь, извлечение их из того нарратива, которому они имманентны, в условиях кризиса доверия к нему¹⁶, а искусственная коммеморация непременно должна была породить процесс ренарративизации – создания подходящих контекстов «мест памяти», что и происходит в условиях постпостмодерна. «Места памяти» как опора конструирования идентичности явно предполагают наличие нарратива, хотя бы и имплицитное.

Классическая модель науки – словарь описания и объяснения – становление мета(мастер)нарратива – естественная коммеморация¹⁷

Классическая модель науки предполагает поиск объективной истины, т.е. такой истины, которая имманентна объекту исследования и не зависит ни от индивидуальности познающего субъекта, ни от социокультурной ситуации. Философскую экспликацию этой модели дали Френсис Бэкон, борющийся с «идолами заблуждения» и Рене Декарт, провозгласивший принцип универсального сомнения и сформулировавший весьма несложные правила метода для универсального разрешения сомнения. В «Рассуждении о методе...» (1637) Декарт оптимистично предрекал: «...если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть»¹⁸.

Естественно, что первоочередная задача исторической науки в ее классической модели – дать *описание* объективной реальности прошлого, установив «объективные» факты путем т.н. критики исторического источника¹⁹ (дискурсивные маркеры этого подхода, сохранившегося по сию пору, – «источник, содержащий факты», «добытые из источника факты», а также уже упомянутая «критика исторического источника»).

Нарратив в такой познавательной ситуации не проблематизируется, а рассматривается, вероятно, как описание исторической реальности,

¹⁶ Лиотар 1998. С. 9-10 и след.

¹⁷ Центральная проблема исторической памяти – проблема коммеморации в контекстах смены типов рациональности/моделей науки и в связи с процессами трансформаций нарратива была рассмотрена мною ранее, поэтому здесь я ограничиваюсь только схематичным (и уточненным) изложением своего понимания их взаимной связи. См.: Румянцева 2016; 2017.

¹⁸ Декарт 1989. С. 261.

¹⁹ См.: Теория и методология... 2016. С. 242.

чему способствует становление научного метода, ведущее к утверждению научного характера исторического знания, в т.ч. репрезентированного в форме нарратива. К тому же и *словарь описания и объяснения* когерентен пониманию нарратива как хронологически организованного рассказа, сочетающего функции описания и объяснения. В этот период, как пишет П. Нора, произошло «искоренение памяти под захватническим натиском истории»²⁰. Таким образом, исторический нарратив в это время обеспечивает естественную коммеморацию.

Хотя несоответствие нарратива словарю описания издавна замечали некоторые историки. Например, лорд Болингброк, ратуя в «Письмах об изучении и пользе истории» за критический подход к историческому познанию, утверждал: «Защищенный от обмана, я могу смириться с несведомленностью...»²¹ Но наиболее ярко описывает отношение к становящемуся в начале XIX в. метанарративу высказывание главы скептической школы в русской историографии М.Т. Каченовского: «Без сомнения, весьма приятно извинять свое невежество ненадобностью наук, и утешительно выдумывать причины, для чего можно без них обойтись; но писатель, занимающийся словесностью, должен трудиться не для сидельцев мучных лавок, не для бородатых защитников двуперстного сложения, не для охотников рассказывать вздор о Бове Королевиче и о Мамаевом побоище, а для читателей образованных, для таких, которые чтя Бога, храня Веру и любя Отечество, *сверх того еще знают, в каких случаях призыванием сих священных имен подкрепляются полезные истины, предлагаемые сочинителем* [выделено мной – М.Р.]»²².

Неклассическая модель науки – словарь интерпретации – начало кризиса доверия к историческому метанарративу – разрушение естественной коммеморации

Неклассическая модель науки, формирующаяся, преимущественно, под влиянием физики микромира, проблематизирует познающего субъекта, составляющего единую систему с объектом исследования и воздействующего на объект в процессе исследования. Маркером неклассической модели в исторической науке является становление истории истории (историографии): смещение акцента с того, «как оно было на самом деле», к тому, «как об этом написали историки». Естественно, что здесь уже применим *словарь интерпретации*. Важно подчеркнуть, что в неклассической модели науки речь идет, по преимуществу, об интерпретации факта при его инкорпорации в нарратив. При этом трудно не согласиться с А. Мегиллом, который замечает: «...все призывы к синтезу – это попытка навязать интерпретацию. Вполне законно

²⁰ Нора 1999(а). С. 19.

²¹ Болингброк 1798 [1735]. С. 49.

²² Каченовский 1811. С. 148-149. Подробнее см.: Маловичко 2014.

приводить доводы в пользу какой-то интерпретации как [выделено автором – М.Р.] интерпретации...»²³

Словарь описания и объяснения некоторое время (до лингвистического поворота) сохраняет свои функции применительно к факту. Да и дискурс использованной выше конструкции «как об этом написали историки» отсылает нас к *словарю описания и объяснения* и демонстрирует сложности дискурсивного преодоления классической модели науки.

Очевидно, осознание «авторской»/индивидуальной/субъективной природы нарратива не могло не подрывать доверия к нему.

Постнеклассическая модель науки – словарь репрезентации – кризис нарратива – кризис коммеморации

Постнеклассическая модель науки предполагает «социальное конструирование реальности» (П. Бергер и Т. Лукман). И хотя Ф. Анкерсмит отказался от разработанного им понятия «нарративная субстанция»²⁴ в пользу *словаря репрезентации*²⁵, понятие «нарративная субстанция», на мой взгляд, весьма точно фиксирует понимание природы и функции нарратива. Но и переход к *словарю репрезентации* закономерен ввиду кризиса нарратива в ситуации постмодерна, стремления его деконструировать, что сопровождалось востребованностью микроистории, которой в полной мере соответствует *словарь репрезентации*.

Актуальное состояние: прошлое как наследие и как «чужая страна» – искусственная коммеморация

Предпримем попытку охарактеризовать с точки зрения заявленных выше схем интерпретации актуальное состояние взаимодействия исторического знания и исторической памяти. Вероятно, постнеклассический тип рациональности сохраняет свои позиции, хотя наблюдается рост интереса к неоклассической модели исторической науки, что фактически и констатировал А.В. Лубский. Естественно предположить, что при устойчивости постнеклассической рациональности должен бы сохранить status quo и *словарь репрезентации*, но, как мне представляется, он вступает в конкуренцию с новыми нарративами, во множестве порождаемыми в ходе процесса ренарративизации, являющегося наиболее ярким проявлением ситуации постпостмодерна в историческом знании.

О.М. Медушевская охарактеризовала актуальную²⁶ ситуацию в историческом познании следующим образом: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм <...> По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух

²³ Мегилл 2007. С. 256-257.

²⁴ Анкерсмит 2003(б). С. 140-199.

²⁵ Анкерсмит 2003(а). С. 213-258.

²⁶ На момент завершения работы – 2007 год. См. примеч. 2.

взаимоисключающих парадигм. Одна из них, *неотделимая от массового повседневного исторического сознания* [выделено мной – М.Р.], опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания <...> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания»²⁷.

Мне уже неоднократно приходилось писать о том, что при всем уважении к автору и согласии с предложенной ею концепцией «когнитивной истории», не могу согласиться с приведенной выше характеристикой актуального исторического знания. Дело не в «парадигмальных» различиях и «противоборстве парадигм», а в параллельном сосуществовании истории как науки (в т.ч. как строгой науки, принадлежащей неоклассической модели) и социально ориентированного историописания, которое – это принципиально важно – может быть реализовано исключительно как нарратив. И сама О.М. Медушевская отметила: «В силу своей *адекватности повседневному историзму массового сознания* [курсив мой. – М.Р.] парадигма нарративной логики преобладает в мире»²⁸.

Итак, можно предположить, что актуальное историческое знание, оформившееся с начала XXI в. в ситуации постпостмодерна, характеризуется разрывом научной и социально ориентированной истории²⁹. Это утверждение может показаться излишне радикальным, но оно подтверждается разнонаправленностью на протяжении всего XX в. тенденций исторической науки и трансформаций исторического нарратива. Mainstream исторической науки – фрагментация, ведущая и приведшая к осознанию невозможности построения когерентной истории³⁰ и, соответственно, к невозможности/проблематичности актуального мастернарратива. Разделяя убеждение многих историков, что т.н. «школа “Анналов”» олицетворяет историческую науку XX в., не могу не процитировать П. Нора: «Враждебность “Анналов” в отношении событийной, политической, военной, дипломатической, биографической истории в принципе не означала приговора национальной истории, но на деле подготавливала его, потому что *национальная история писалась как линейный рассказ о причинно-следственных связях* [выделено мной – М.Р.]»³¹.

Второй весьма существенный и при этом общепризнанный фактор развития исторического знания в XX в. – антропологический поворот, одним из результатов которого было утверждение позиции инаковости

²⁷ Медушевская 2008. С. 15-16.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ Подробнее см.: Маловичко, Румянцева 2013.

³⁰ См., например: Мегилл 2007. С. 255-357.

³¹ Нора Предисловие... 1999. С. 9-10.

при рассмотрении исторического прошлого. Как ни парадоксально это может выглядеть, но позиция инаковости чужда обыденному историческому сознанию. В частности, Дж. Тош, рассуждая об отличии профессионального (научного) исторического знания от обыденного исторического сознания, отмечает в качестве существенной черты исторической науки именно подход с позиции инаковости³². Размышляя о функциях критической (научной) истории, А. Мегилл пишет: «Критическая историография ничего не предписывает настоящему. Она только показывает то, что *было иным и удивительным* – даже *поразительным* [выделено мной – М.Р.] – в прошлом. Если в историописании утрачивается это качество удивлять, то оно одновременно утрачивает и свое академическое, научное оправдание»³³. При этом Мегилл вполне определенно высказывается о взаимоотношениях исторической науки и исторической памяти: «Критическая историография должна находиться на некотором расстоянии от памяти, во всех смыслах последней...»³⁴.

Наиболее интересную трактовку этой проблемы дал Д. Лоуэнталь. Уже название его обширного труда «Прошлое – чужая страна» (1985) недвусмысленно заявляет основную идею – идею инаковости прошлого. Но в Предисловии к русскому изданию, уже в новой социокультурной ситуации, он обращает внимание на то, что такой подход неприемлем для массового сознания, и вскрывает механизм этого неприятия: «...обычной публике все эти предписания представляются неприемлемыми. Такое совершенно чуждое нам прошлое воспринимают с трудом, в особенности если нам хотелось бы погреться в отблеске его славы, или же ощутить себя по возможности комфортно. А потому мы вызываем в воображении таких предшественников, которые в большей степени похожи на нас самих. Большинство людей во все времена считали прошлое не чужой, но, напротив, вполне знакомой, даже “прирученной” областью»³⁵. Продуктивным, по крайней мере для рассматриваемой нами проблемы, представляется осуществленное Лоуэнталем различение *истории* и *наследия*: «“Приручая” таким образом прошлое, мы привлекаем на свою сторону несметное число нынешних причин. Легенды о возникновении и длительности, о победах или бедствиях, проецируют настоящее на прошлое, а прошлое, в свою очередь, на настоящее. Они ставят нас в один ряд с предками, чьи добродетели мы разделяем и чьи пороки скрываем. Однако подобное сообщество – еще не собственно история, как ее понимают историки. *Это наследие* [здесь и далее выделено мной – М.Р.]. Такое различие имеет решающий

³² Тош 2000. С. 11-31.

³³ Мегилл 2007. С. 132.

³⁴ Мегилл 2007. С. 132.

³⁵ Лоуэнталь 2004. С. 6-7.

характер. *История исследует и объясняет прошлое <...> Наследие упрощает и проясняет прошлое*, привнося в него современные цели и намерения». И афористично подводит итог: «История... – это взгляд одного века на другой. Напротив, наследие относится к прошлому как к достоянию века нынешнего. Увиденное глазами истории, прошлое – чужая страна, если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно»³⁶. Но уже задолго до Лоуэнтала Ф. Ницше в своей рефлексии современного ему исторического знания «О пользе и вреде истории для жизни» (1873) отметил стремление человека сближать прошлое с настоящим в рамках «монументальной истории». Немецкий философ пишет: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории...»³⁷, но при этом замечает, что монументальная история «всегда будет сближать разнородные элементы, обобщать и, наконец, отождествлять их; она всегда будет смягчать различия мотивов и побуждений, чтобы за счет *causae* представить *effectus* в монументальном виде, именно как нечто типичное и достойное подражания...»; и афористично подводит итог: «Монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий...»³⁸.

Попытаемся скоординировать различные параметры интерпретационной модели, но теперь, в отличие от выстраивания иерархии интерпретационных схем в начале статьи, – снизу вверх:

– социально ориентированное историописание, по определению, существует в форме нарратива;

– проблематизация нарратива в методологии исторической науки последней трети XX в. и устойчивый вывод о его неverifiedности³⁹

– один из факторов подрыва доверия к нарративу и перехода от метанарратива к «местам памяти», точнее, на первом этапе – к их деконструкции путем извлечения их из нарратива, которому они имманентны;

– переход от деконструкции «мест памяти» к искусственной комеморации порождает процесс ренарративизации, поскольку «места памяти» предполагают наличие нарратива (хотя бы и неэксплицированного), без которого они не могут быть опознаны/восприняты в качестве «мест памяти»;

– процесс ренарративизации, – существенная характеристика актуальной исторической культуры, – ведет отнюдь не к созданию когерентного мета(мастер)нарратива, а к противостоянию/«войне» нарративов; к описанию этого процесса вполне применимо замечание П. Нора:

³⁶ Лоуэнталь 2004. С. 7.

³⁷ Ницше 1990. С. 174.

³⁸ Там же. С. 171-172.

³⁹ Вен 2003 [1971]; Уайт 2002 [1973]; Анкерсмит 2003(b) [1983].

«Конец истории-памяти умножил число отдельных памятей, которые потребовали своей истории»⁴⁰;

– произошел разрыв исторической науки и социально ориентированного историописания;

– *словарь репрезентации*, характерный для микроистории последней трети XX в., некогерентен ренарративизации; вероятно, он может обеспечивать идентичность постмодернистского типа, но не может конкурировать с нарративом в конструировании исторической памяти;

– естественно, в новых условиях не может быть «возвращения» к *словарю описания и объяснения*, жестко привязанному к классической модели науки; вероятно, может быть по-прежнему востребован *словарь интерпретации*, но при осознании его субъективности и, соответственно, невозможности удовлетворения потребности в конструировании общей исторической памяти;

– если признать, что описанные процессы разворачиваются в контексте постнеклассической рациональности, то необходим новый словарь – *словарь интерсубъективного конструирования реальности*, который будет способен возобновить контакт исторической науки и социально ориентированного историописания на методологической основе социологии знания.

Необходимо отметить, что Анкерсмит, солидаризируясь с А. Данто, проводил различие между репрезентацией истории и исторической наукой: «...Данто был прав, требуя различных познаний для репрезентации и науки. Репрезентация предполагает постулирование существования логических моделей, подобных нарративным субстанциям, которые в случае чисто научного исследования являются избыточными. Эти логические модели придают языку репрезентации непрозрачность, неизвестную науке: каждое утверждение, которое мы делаем о прошлом, поглощается гравитационным полем рассматриваемой нарративной субстанции и обязано ему своим нарративным значением. В науке мы заинтересованы только в истинности или законности утверждений; в исторической репрезентации истинность утверждений о прошлом более или менее считается само собой разумеющейся <...> Логические модели, требуемые в соответствии с теорией замещения репрезентации, символизируют дистинкцию науки и репрезентации»⁴¹. Вопрос соотношения получения научного знания и его репрезентации был рассмотрен мною ранее⁴², но здесь важно подчеркнуть, что в этом случае речь идет о репрезентации научного знания, а не о конструировании нарратива в целях искусственной коммеморации.

⁴⁰ Нора 1999(а), С. 33

⁴¹ Анкерсмит 2003(а), С. 242-243.

⁴² Румянцева 2017.

Таким образом, мы имеем дело с искусственной коммеморацией, суть которой еще в конце XX в. П. Хаттон выразил вполне афористично: «Современное историческое мышление отражает ценности современной культуры, которая демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым, и возлагает большие надежды на новшества будущего. <...> В настоящее время нам *приходится говорить скорее о пользе прошлого, чем о его влиянии на нас* [выделено мной – М.Р.]»⁴³. Впрочем, Ницше, размышляя о «критической истории», прозорливо подметил истоки этой особенности исторического нарратива: «это как бы попытка создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим...»⁴⁴.

Мы не затрагивали здесь весьма актуальную проблему «политики памяти»⁴⁵. Но вполне очевидно, что инструментом этой политики является нарратив. Политика памяти может быть эффективной, т.е. отвечающей потребностям социума, только на основе рефлексии нарратива и механизмов его конструирования. При этом оказывается важным отношение к прошлому как к «наследию», а не как к «чужой стране». Как разрешить эту коллизию между установкой исторической науки на инаковость и потребностью в конструировании исторической памяти?...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003(а). 492 с.
- Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003(б). 360 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Боллингброк. Письма об изучении и пользе истории: пер. с англ. М.: Наука, 1978. 359 с.
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 393 с.
- Гуссерль Э. Философия, как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры. М.: Книгоиздательство «Мусагетъ», 1911. Кн. 1. С. 1-56.
- Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч.: в 2 т.: пер. с лат. и фр. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250-296.
- Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: антология. М.: Юристъ, 1995. С. 213-255.
- Каченовский М.Т. Нестор. Руския летописи на Древле-Славенском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. № 18. С. 127-149.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 302 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
- Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: «Русский остров»; «Владимир Даль», 2004. 623 с.
- Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. 351 с.

⁴³ Хаттон 2003 [1993]. С. 24.

⁴⁴ Ницше 1990. С. 179.

⁴⁵ Мое отношение к этой проблеме см.: Румянцева 2017. С. 18-20.

- Маловичко С.И. Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания // Диалог со временем. М.: ИВИ, 2014. Вып. 46. С. 129-145.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 479 с.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
- Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 158-230.
- Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция – память / под ред. П. Нора и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999(а). С. 17-50.
- Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция – память / под ред. П. Нора и др. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999(б). С. 5-14.
- Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования: введение // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2006. С. 5-55.
- Румянцева М.Ф. Историческая память и презентация истории: неоклассическая vs классическая – неклассическая – постнеклассическая модели исторической науки // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности: [сб. ст.] / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2017. С. 18-48.
- Румянцева М.Ф. Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16-31.
- Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
- Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
- Тойнби А. Дж. Постигжение истории: сборник пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 731 с.
- Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: «Весь Мир», 2000. 295 с.
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 527 с.
- Франция – память / под ред. П. Нора и др. СПб., 1999. 328 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти: пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, 2003. 479 с.

REFERENCES

- Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory. M.: Progress-Traditsiya. 2003(a). 492 s.
- Ankersmit F. Narrativnaya logika: semanticheskiy analiz yazyka istorikov. M.: Ideya-Press. 2003(b). 360 s.
- Berger P., Lukman T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium. 1995. 323 s.
- Bolingbrok [G.S.-Dzh] Pisma ob izuchenii i polze istorii: per. s angl. M.: Nauka. 1978. 359 s.
- Ven P. Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii. M.: Nauchnyy mir. 2003. 393 s.
- Gusserl E. Filosofiya. kak strogaya nauka // Logos: mezhdunarodnyy ezhegodnik po filosofii kultury. M.: Knigoizdatelstvo «Musaget». 1911. Kn. 1. S. 1-56.
- Dekart R. Rassuzhdeniye o metode. chtoby verno napravlyat svoj razum i otyskivat istinu v naukakh // Dekart R. Soch.: v 2 t.: per. s lat. i fr. M.: Mysl. 1989. T. 1. S. 250-296.
- Diltey V. Tipy mirovozzreniya i obnaruzheniye ikh v metafizicheskikh sistemakh // Kulturologiya. XX vek: antologiya. M.: Yurist. 1995. S. 213-255.
- Kachenovskiy M.T. Nestor. Ruskiya letopisi na Drevle-Slavenskom yazyke // Vestnik Evropy. 1811. Ch. 59. № 18. S. 127-149.
- Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy / per. s angl. I.Z. Neletova. M.: Progress. 1977. 302 s.
- Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna. M.: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; SPb.: Aleteya. 1998. 159 s.
- Louental D. Proshloye – chuzhaya strana / per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Izdatelstvo «Russkiy ostrov». Izdatelstvo «Vladimir Dal». 2004. 623 s.
- Lubskiy A.V. Alternativnyye modeli istoricheskogo issledovaniya. M.: Izdatelstvo «Sotsialno-gumanitarnyy znaniya». 2005. 351 s.

- Malovichko S.I. Neponimaniye kak forma sosushchestvovaniya raznykh tipov istoricheskogo znaniya // Dialog so vremenem. M.: IVI. 2014. Vyp. 46. S. 129-145.
- Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. Istoriya kak strogaya nauka vs sotsialno oriyentirovannoye istoriipisaniye. Orekhovo-Zuyevo: Izd-vo MGOGI. 2013. 252 s.
- Megill A. Istorieskaya epistemologiya. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». 2007. 479 s.
- Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii. M.: RGGU. 2008. 361 s.
- Nitshe F. O polze i vrede istorii dlya zhizni // Nitshe F. Soch.: v 2 t. M.: Mysl. 1990. T. 1. S. 158-230.
- Nora P. Mezhdru pamyaty i istoriyey: problematika mest pamyati // Frantsiya – pamyat / pod red. P. Nora i dr. SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1999. S. 17-50.
- Nora P. Predisloviye k russkomu izdaniyu // Frantsiya – pamyat / pod red. P. Nora i dr. SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1999. S. 5-14.
- Repina L.P. Istorieskaya kultura kak predmet issledovaniya: vvedeniye // Istoriya i pamyat: istoricheskaya kultura Evropy do nachala novogo vremeni / pod. red. L.P. Repinoy. M.: Krug. 2006. S. 5-55.
- Rumyantseva M.F. Istorieskaya pamyat i prezentatsiya istorii: neoklassicheskaya vs klassicheskaya – neklassicheskaya – postneklassicheskaya modeli istoricheskoy nauki // Sobytiye v istorii. pamyati i narrativakh identichnosti: [sb. st.] / otv. red. L.P. Repina. M.: Akvilon. 2017. S. 18-48.
- Rumyantseva M.F. Problema kommemoratsii: metanarrativ – mesta pamyati – renarrativizatsiya // Dialog so vremenem: almanakh intellektualnoy istorii. M.: IVI. 2016. Vyp. 54: Spetsialnyy vypusk: Natsionalnaya identichnost i fenomen istoricheskoy pamyati. S. 16-31.
- Stepin V.S. Teoreticheskoye znaniye: struktura. istoricheskaya evolyutsiya. M.: Progress-Traditsiya. 2003. 743 s.
- Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminol. slov. / otv. red. A.O. Chubarian. L.P. Repina; RAN. In-t vseobshchey ist. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Akvilon. 2016. 543 s.
- Toynbi A. Dzh. Postizheniye istorii: sbornik: per. s angl. M.: Progress. 1991. 731 s.
- Tosh Dzh. Stremleniye k istine. Kak ovladet masterstvom istorika: per. s angl. M.: Izdatelstvo «Ves Mir». 2000. 295 s.
- Uayt Kh. Metaistoriya: Istorieskoye voobrazheniye v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. 2002. 527 s.
- Frantsiya – pamyat / pod red. P. Nora i dr. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. 1999. 328 s.
- Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati: per. s angl. SPb.: Vladimir Dal. 2003. 479 s.

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент, Школа исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики»; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ; mf-r@yandex.ru

Historical knowledge and historical memory in the structure of historical culture

A dynamic model of historical culture is proposed, its system-forming components are (1) a change in the types of rationality / models of science: classical – nonclassical – post-nonclassical; (2) a change in “dictionaries”: a dictionary of description and explanation – a dictionary of interpretation – a dictionary of representation; (3) modification of the narrative: the formation meta-narrative – its crisis – re-narrativization, (4) modification of historical memory: a natural commemoration – “places of memory” – an artificial commemoration. The research focuses on the interaction of scientific historical knowledge, historical narrative as the main form of presentation of historical knowledge and historical memory from postmodern to post-postmodern.

Keywords: type of rationality, dictionary of historical science, metanarrative, renarrativization, historical memory, commemoration

Marina Rumyantseva, PhD in history; Associate Professor, School of History, National Research University “Higher School of Economics”; Associate Professor, Russian State University for the Humanities; mf-r@yandex.ru